

Может оказаться так,
что это совсем не та книга,
которую вы ожидали прочитать.

К. Р. К.

*Без устали поёт сирена,
Зовущая тебя на скалы.*

«There There», Radiohead¹

*В лесной чащобе монстр скрывается,
Во тьме беснуется и воет.
Дела свершив кровавые, он прячется,
Поёт, рычит и стонет.*

«Who Will Love Me Now?»,
Philip Ridley²

Историям свойственно менять своё обличье.

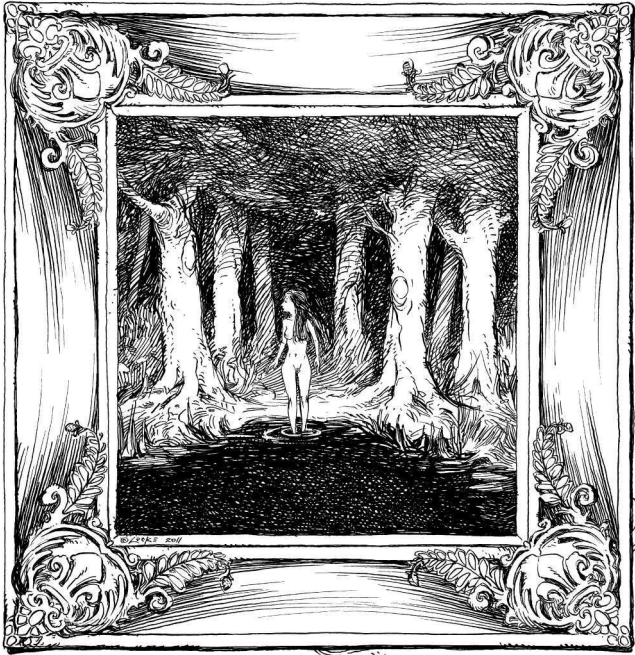
«Милые чудовища», Келли Линк

¹ «Там, там» («There There» (*англ.*) — песня группы Radiohead с альбома «Hail to the Thief» 2003 г. (*Здесь и далее прим. пер.*)

² Филип Ридли (род. 1964) — британский драматург. Также пишет прозу, стихи, песни, сценарии, снимает фильмы, проводит выставки как фотограф и художник. Песня «Who Will Love Me Now?» была сочинена им для собственного фильма «The Passion of Darkly Noon» и спета певицей PJ Harvey.

УТОПЛЕННИЦА

Philip George Sattonstal
American, 1868-1907
The Drowning Girl
1898
Oil on canvas

1

— *Я собираюсь написать историю с привидениями, — напечатала она. — Историю с привидениями, русалкой и волком, — добавила она следом.*

На самом деле речь идёт обо мне.

Меня зовут Индия Морган Фелпс, хотя почти все мои знакомые называют меня просто Имп. Я живу в Провиденсе, штат Род-Айленд, и мне было семнадцать, когда моя мать умерла в больнице Батлера, расположенной на бульваре Блэкстоун, д. 345, рядом с кладбищем Суон-Пойнт, где похоронено множество знаменитостей. Раньше полное название больницы звучало как «Больница Батлера для душевнобольных», но однажды уточнение «для душевнобольных» куда-то пропало. Возможно, из-за того, что это плохо сказывалось на бизнесе. Вероятно, врачи, попечители, члены совета директоров — да кто угодно, кому по должности полагается принимать подобные решения, — посчитали, что люди будут не в восторге от перспективы попасть в психиатрическую лечебницу, которая открыто заявляет, что это именно психиатрическая лечебница. Мол, это плохая реклама. Точные при-

чины мне неизвестны, но моя мать, Розмари-Энн, была определена в больницу Батлера, потому что её посчитали сумасшедшей. Дожив до пятидесяти шести лет, она умерла в её стенах, а не в каком-то ином, более приятном, месте, потому что была безумной. Нельзя сказать, что она не осознавала своего недуга, и я тоже прекрасно это понимала, но если кто-то спросит моё мнение, то убирать уточнение «для душевнобольных» — это всё равно что попытаться изъять слово «бургер» из «Бургер Кинг», мотивируя это тем, что гамбургеры не столь полезны, как салаты. Или отказаться от «пончиков» в названии «Пончики Данкина», потому что от них набирается лишний вес и появляется кариес. Моя бабушка со стороны матери, Кэролайн, родившаяся в 1914 году и потерявшая мужа во время Второй мировой войны, тоже была сумасшедшей, но умерла в собственной постели в своём доме, что в Уэйкфилде. Никто не пытался упечь её в психушку, но и не делал вид, что она здорова. Возможно, в старости, либо когда ты только вступаешь на путь дряхления, это не так бросается в глаза. Кэролайн задохнулась во сне от угарного газа, а в предсмертной записке поблагодарила мою маму с тётушками за то, что те не отправили её в больницу для душевнобольных, где ей пришлось бы оставаться даже после того, как жизнь стала бы для неё совсем невыносимой. Я имею в виду жизнь. Или безумие. Либо то, либо другое — а может, и всё вместе.

Есть какая-то особенная ирония в том, что это мои тётушки отправили маму в психушку. Я полагаю, мой отец поступил бы точно так же, но он бросил нас, когда мне было десять, и никто не знает, куда он исчез. Он оставил мою мать, поскольку она была сумасшедшей, и мне нравится думать, что ему недолго пришлось радоваться жизни после своего бегства. Когда я была девочкой, то обычно долго лежала в своей постели по ночам, придумывая разные ужасные способы, которыми мой отец мог бы закончить свою жизнь, и всевозможные

кары за то, что он бросил нас и сбежал, оказавшись слишком трусливым, чтобы остаться рядом со мной и мамой. В какой-то момент я даже составила список разнообразных смертей самого неприятного характера, которые могли бы выпасть на долю отца. Я вела его в стенографическом блокноте, а сам блокнот прятала в старом чемодане под кроватью, потому что не хотела, чтобы мама его увидела. Первым в списке шёл пункт «Я надеюсь, что мой отец умер от венерической болезни после того, как его член сгнил», а дальше следовало множество довольно банальных вещей — автомобильная авария, пищевое отравление, рак и прочие прелести. Но со временем моё воображение стало более изощёренным, и последняя запись, которую я внесла в список (под номером 316), гласила: «Надеюсь, мой отец сошёл с ума и умер, страдая от одиночества и страха». Я всё ещё храню этот блокнот, но теперь он спокойно стоит на полке, а не лежит, спрятанный, в недрах старого чемодана.

Ну так вот. Моя мать, Розмари-Энн, умерла в больнице Батлера. Она умудрилась покончить жизнь самоубийством, хотя находилась в то время под строгим присмотром из-за опасений, что именно это занимает её мысли. Она лежала в постели, пристёгнутая ремнями, под наблюдением видеокамеры. Но ей всё же удалось это сделать. Она смогла подавиться и задохнуться до того, как кто-либо из медсестёр или санитаров заметил, что происходит. В свидетельстве о смерти записано, что она умерла во время припадка, но я-то знаю, что это не так. Слишком много раз, когда я навещала её, мама утверждала, что хочет умереть, и обычно я пыталась убедить её, что она должна жить, поправляться и вернуться домой; в то же самое время я обещала, что не буду злиться, если ей действительно придётся это сделать — отправиться на тот свет. Если наступит тот самый день или ночь, когда её терпение иссякнет. Мама тогда сказала, что ей очень